

Б. Н. Грановский

Цеторические характеристики

Разумное поведение и язык. Language and Reasoning

Тимофей Грановский

Исторические характеристики

«Языки Славянской Культуры»

2013

Грановский Т. Н.

Исторические характеристики / Т. Н. Грановский — «Языки Славянской Культуры», 2013 — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)

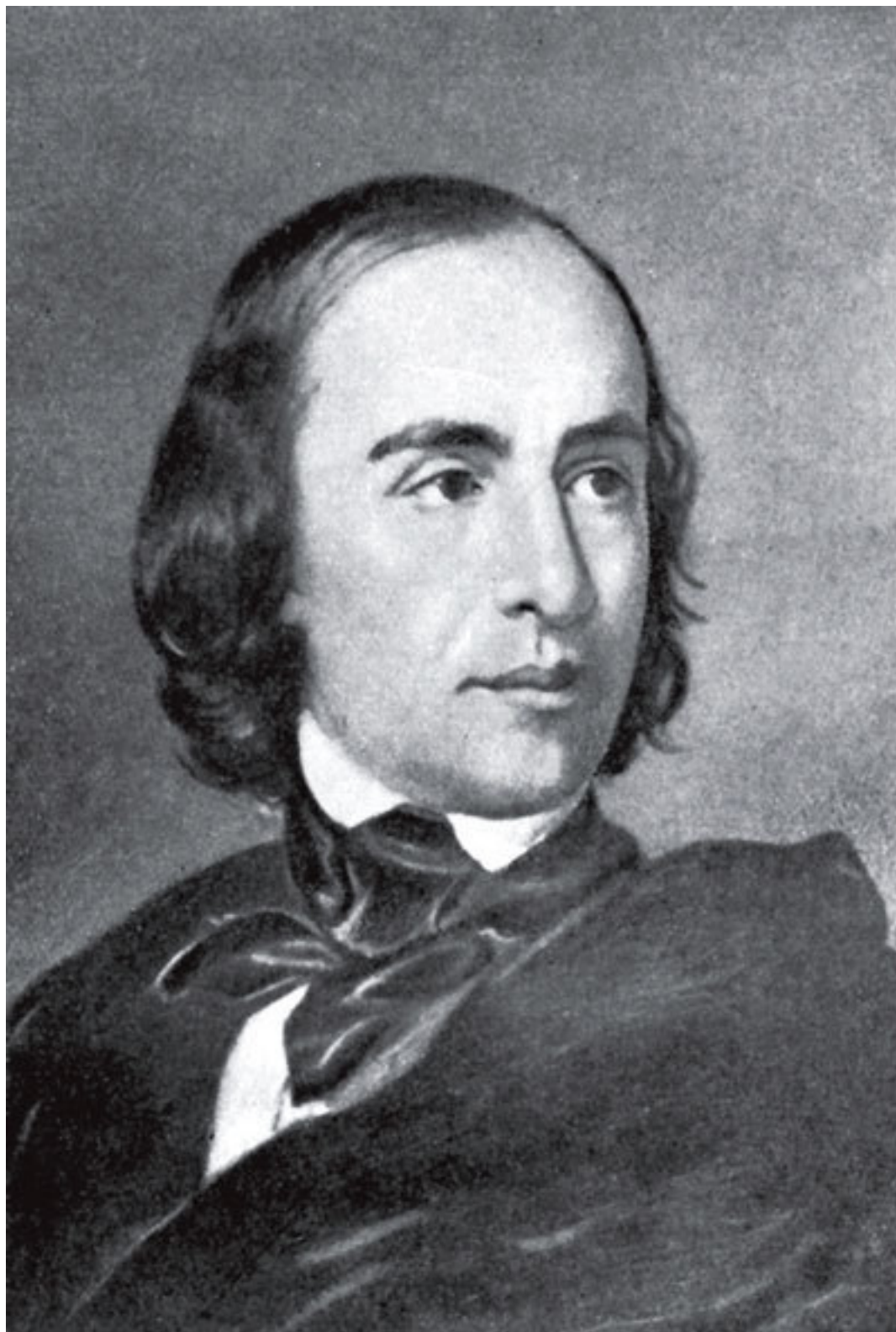
В книге историка, профессора Московского университета Т. Н. Грановского (1813–1855) представлены забытые и малоизвестные широкой публике работы по истории Западной Европы в Средние века и Новое время: публичные чтения 1851 г. о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX и Фрэнсисе Бэконе, а также статьи 1845–1847 гг., написанные для различных популярных изданий. Книга адресована историкам, филологам, философам и всем, кто интересуется историей Западной Европы, историей научной и общественно-политической мысли в России XIX в.

© Грановский Т. Н., 2013

© Языки Славянской Культуры, 2013

Содержание

Зачем нужна история, или Феномен Грановского	7
I. Публичные чтения	17
Чтение первое. Тимур	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Т. Н. Грановский
Исторические характеристики

© Рукописные памятники Древней Руси, 2013

© Составители, 2013

Сост.: А. А. Левандовский и В. Л. Семигин; вступит. статья А. А. Левандовского; подгот. текста и примеч. В. Л. Семигина.

* * *

Публикуемые тексты Т. Н. Грановского приближены к нормам современного русского языка. Имена и географические названия приводятся в авторском написании, века – римскими, годы – арабскими цифрами. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все подстрочные примечания в текстах принадлежат Т. Н. Грановскому.

Составители сборника выражают глубокую признательность П. Л. Котову, Д. А. Лунгиной, С. И. Лучицкой, Е. Н. Мухиной, А. Л. Смышляеву и Б. Л. Хавкину за помощь в подготовке данного издания.

Зачем нужна история, или Феномен Грановского

Вопрос: «Зачем нужна история?» – рано или поздно встает перед тем, кто к ней, к этой самой истории, относится хоть сколько-нибудь серьезно. Еще древние маялись... Ответов – целая россыпь, самых разных, нередко диаметрально противоположных. Для Тацита, например, история, должным образом изложенная, – бесценный учитель жизни; Гегель, напротив, к подобным «урокам» относился с откровенной насмешкой, считая, что «бледный призрак истории» бессилён противостоять напору действительности... Выбор, в общем, богатый. Но в поисках истины я хотел бы обратить внимание читателя на одно произведение, совершенно не научное, но зато в высшей степени художественное.

Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Студент». Предельно кратко напомним его сюжет: студент духовной академии, приехавший погостить к отцу, сельскому дьячку, бесцельно бродит по окрестностям родной деревни. Антураж самый чеховский: глушь, безлюдье, пронизывающий холодный ветер; в памяти – простудившийся отец, кашляющий на печи, босая мать, занятая скудным хозяйством... Настроение – соответствующее: героем владеет тоска безысходности, тоска, поистине, космическая или, по меньшей мере, историческая... «...Пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иване Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой»¹.

В таком-то ужасающем настроении студент подсаживается погреться к костерку, разведенному на огородах, и вступает в разговор с их хозяйками – вдовой и ее придурковатой, забитой мужем дочерью. Собственно, это даже и не разговор... Героя, очевидно, неожиданно для него самого, повело на монолог: он начинает вспоминать «точно такую же холодную ночь» в Гефсиманском саду – ночь начала крестных мук Христовых, ночь предательства Иуды и отречения Петра. Именно об этом, о предсказанном Христом отречении, о скорби не выдержавшего испытания апостола, о его душевных терзаниях и рассказывает студент, не столько даже бабам, сколько самому себе: «И исшед вон, плакался горько...» И вдруг видит: плачут и бабы... Значит, коли так, эта история тронула их – и дело не в его, студента, красноречии: то, что много веков назад происходило с одним из учеников Христа, находит в душе слушательниц живой отклик – все это герой рассказа осознает, попрощавшись с бабами и уходя от костра. Уже в совершенно другом настроении... «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой»².

Лучше, по-моему, не скажешь. В этом маленьком рассказе Чехов очень ясно и точно определил значение истории: она приобщает человека к человечеству. История позволяет бесмысленно влачащему дни одиночке связать свое настоящее с общим прошлым и, тем самым, ступить на общий для всех путь, ведущий в будущее. Конечно, можно жить и без осознания своей причастности к великому целому; так жили и живут миллионы. Но ведь это не жизнь – существование... И, может быть, весь пафос чеховского рассказа заключается в утверждении, что глубинное ощущение связи человека с человечеством присуще каждому из нас. Чуть под-

---

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8: Рассказы. Повести: 1892–1896. М.: Наука, 1986. С. 306.

² Там же. С. 309.

толкнуть... Характерно, кстати, что сам Чехов в ответ на традиционные упреки в пессимизме ссылался именно на этот рассказ: какой же, мол, я пессимист, если «Студента» написал...

Я обращаюсь к этому шедевру не только потому, что в нем содержится ответ на поставленный в заголовке вопрос; видится мне в чеховском студенте некий аналог с человеком, упомянутом все в том же заголовке... Мне представляется: было время, когда профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский играл по отношению ко всему русскому обществу примерно ту же роль, что и студент – у костерка, на огородах...

* * *

В 40-х годах XIX века – в эпоху, которую один из ее летописцев П. В. Анненков совершенно справедливо назвал «Замечательным десятилетием» – Грановский пользовался популярностью, поистине, феноменальной.

Прежде всего у студентов Московского университета, одним из важнейших явлений в истории которого стали именно его лекции, – на них, кстати, Тимофею Николаевичу свойственно было опаздывать. «...Четверть часа уже прошла после звонка. Вся аудитория в каком-то ожидании. Разговоры смолкли, и все вышли на лестницу, ведущую в аудиторию. “Будет ли?” – говорит один из студентов. – “Будет”, – отвечает другой. – “Должно быть, не будет”, – заявляет третий, смотря на часы. – “Приехал!” – кричит снизу швейцар, как будто отвечая на нетерпеливое ожидание. – “Идет...” – и вся толпа двинулась в аудиторию, все спешат заполнить места. Глубокая тишина воцарилась в зале»³. В этом, согласитесь, безыскусственном и очень живом отрывке из воспоминаний бывшего студента Московского университета прекрасно передано отношение слушателей к своему профессору; его, я думаю, оценят все, кому приходилось стоять на кафедре: лекторов крайне редко ждут с таким нетерпением... Грановского ждали подолгу, причем аудитория практически всегда была забита до отказа – на его лекции ходили студенты самых разных факультетов, включая медиков. Слушатели сидели на подоконниках, на ступеньках кафедры...

Студенческой средой популярность Грановского не ограничивалась. Осенью 1848 года, благодаря содействию С. Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа, расположенного к прогрессивно настроенной «молодой профессуре», удалось организовать публичные чтения Грановского – и они произвели настоящий фурор в общественной среде. А. И. Герцен, очень переживавший за своего ближайшего друга, с восторгом писал в частном письме под свежим впечатлением от начала чтений: «...Москва отличилась, просто давка, за ¼ часа места нельзя достать, множество дам du haut parage⁴, и все как-то кругло идет...»⁵.

Конечно же, в этой аудитории среди «дам всех возрастов, профессоров, студентов, статских, военных» было немало случайных людей – и тем не менее... Успех Грановского-лектора оказался устойчивым; между ним и слушателями, по словам того же Герцена, сразу установилась некая «магическая связь, с обеих сторон деятельная». К концу лекций, длившихся пять месяцев, аудитория все так же ломилась от народа, а тот фурор, который поначалу почти неизбежно должно было произвести такое небывалое в России по тем временам событие, как публичные чтения, перерос в устойчивый, одушевленный интерес, если можно так определить настроение, выражавшееся в периодических взрывах энтузиазма и на последней лекции разрешившееся «безумным, буйным восторгом»⁶.

---

³ Отечественные записки. 1858. № 8. С. 89–90.

⁴ Из высших сфер (*фр.*).

⁵ Герцен А. И. Письмо Н. Х. Кетчеру (2–3 декабря 1843 г.) // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 22: Письма 1839–1847 годов / Ред. Ю. Г. Оксман и Л. М. Долотова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 159–160.

⁶ Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания: [В 2 т.]. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы,

Подобный ажиотаж вокруг лекций Грановского, что университетских, что публичных, конечно же, нуждается в объяснении – тем более что целый ряд обстоятельств изначально был явно не в пользу лектора. Начать можно с тематики: Грановский был ученым-медиевистом, то есть в сферу его интересов входила, прежде всего, история Западной Европы Средних веков. Завершался лекционный курс Грановского обычно XVI–XVII веками – связь с жизненно важными проблемами, которые могли волновать россиян в середине XIX века, просматривается здесь, согласитесь, слабо... В то же время Грановский никак не мог претендовать на звание «великий ученый»: в сфере академического знания его наследие занимает достаточно скромное место; даже самые восторженные почитатели, которых у профессора было много, не рисковали называть его имя в ряду тех, кто прокладывал новые пути – «задавал новые дискурсы», если использовать современную терминологию. Грановский прекрасно знал западноевропейскую научную литературу, широко использовал ее достижения в своих лекциях, статьях, очерках – но не более того.

В результате, казалось бы, напрашивался ответ, который с удовольствием подсказывали недоброжелатели – их у нашего героя тоже хватало: Грановский всего лишь «артист на кафедре», лицедей, умело транслирующий чуждые знания. Если принять эту подсказку за истину, то из нее почти автоматически следует: значит, все дело «в блестящей, отточенной формуле», во внешних эффектах лекторской манеры – о сколько-нибудь значительном содержании лекций в этом случае говорить, очевидно, не приходилось. Ну и вывод напрашивался сам собой: Грановский – фигура дутая, вся его преподавательская и научная деятельность – вредна. В обширной литературе, посвященной Грановскому, было, кстати, целое направление, представители которого упорно отстаивали эту точку зрения⁷.

Между тем кажется очевидным, что достаточно было хотя бы раз со вниманием и без предубеждения прослушать лекцию Грановского, чтобы убедиться в полной несостоятельности этой характеристики: «артист на кафедре». И дело здесь было не только в том, что ни в природных данных Грановского, ни в его манере держаться на кафедре не было ничего такого, что обычно связывают с понятием «артистизм». Скорее, напротив: у профессора был слабый, глуховатый голос и плохая дикция (отсюда дружеское прозвище: «шепелявый профессор»). Лекции Грановского держали слушателей в постоянном напряжении: в аудитории должна была стоять полная тишина. Она и стояла... Что же касалось эффектных ораторских приемов, то Грановский не терпел их *принципиально*. В одном из писем, написанных в самом начале преподавательской деятельности, рассказывая близким друзьям о том, как он готовится к лекциям, Грановский особо отмечал: «При изложении я имею в виду пока только одно – самую большую простоту и естественность... Даже тогда, когда рассказ в самом деле возьмет меня за душу, я стараюсь охладить себя и говорить по-прежнему»⁸. Предельная искренность при полном отсутствии позы – вот то, что прежде всего характеризовало лекторскую манеру Грановского.

Но главное, повторюсь, все же не в этом: «внутренние эффекты» отсутствовали в лекциях и научных работах так же, как и внешние. Ни неожиданных трактовок, ни ярких личностных характеристик, ни смелой актуализации исторического материала... В наше время, когда представление о лекционных курсах Грановского складывается лишь на основе несовершенных студенческих записей, они вообще могут показаться скучными. А народ, между тем, на эти лекции валом валил, аудитория была забита; что же касалось публичных чтений, то совершенно не разделявший взглядов Грановского П. Я. Чаадаев назвал их «явлением исто-

1963. (Серия литературных мемуаров). С. 304.

⁷ См.: Левандовский А. А. Либерализм как свойство личности (Образ Т. Н. Грановского в пореформенной публицистике) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 233–243; см. также: Левандовский А. А. Железный век. М.: Арбор, 2000. С. 67–74.

⁸ Т. Н. Грановский и его переписка: [В 2 т.]. Т. II: Переписка Т. Н. Грановского. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 366.

рическим» – и возразить ему было некому... Значит, были у этой потрясающей популярности «шепелявого профессора» какие-то серьезные, глубинные причины.

* * *

Очевидно, что поставленный вопрос не решается вне контекста эпохи Николая I, на которую пришлось почти вся сознательная жизнь Грановского. А эпоха эта достаточно сложна для понимания, особенно в наше время; лет тридцать-сорок назад, при так называемом застое, разобраться в ней было, пожалуй, попроще...

Если попытаться вкратце, избегая лишних подробностей, определить особенности того времени в интересующем нас ракурсе – а это, прежде всего, взаимоотношения власти и общества – то мы приходим к следующему. Власть в форме официальной идеологии – пресловутой «официальной народности» – постулирует ряд достаточно жестких требований по отношению к своим подданным. Эти требования обосновывались необходимостью для каждого россиянина, вне зависимости от его социального, имущественного и служебного положения, строго соответствовать – делами, мыслями, чувствами – самодержавной государственности и православной конфессии, каковые провозглашались идеалом бытия – материального и духовного – для русского народа. С помощью официальной идеологии, направленной на сохранение существующего положения вещей, власть настраивала своих подданных на верное служение престолу и церкви, стремясь пресечь любые поползновения к самостоятельному суждению, критике и уж тем более – к переменам принципиального характера.

При этом, хотя формально объектом воздействия «официальной народности» были действительно все слои населения – народ, в самом общем смысле этого слова, – хорошо известно, что она разрабатывалась, *прежде всего*, для противодействия очень незначительной части этого народа: тем, кого бессменный управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Л. В. Дубельт иронически называл «нашими передовыми людьми»; тем, кого А. И. Герцен, один из лидеров этой общности, очень серьезно называл «образованным меньшинством». В глазах наиболее последовательных представителей власти именно это меньшинство являло собой самую серьезную внутреннюю угрозу «величию и спокойствию» Российской империи: оно играло роль чуть ли не единственного шлюза в «умственных плотинах», воздвигаемых правительством Николая I; шлюза, через который в Россию проникали элементы европейской культуры и просвещения – с позиций официальной идеологии глубоко чуждые русскому народу и именно потому чрезвычайно опасные для него.

Особо следует отметить то, что нередко теряется из виду: в эту очень своеобразную эпоху правительство тревожили, пожалуй, не только и даже не столько какие-то конкретные «лжеучения», идущие из Европы, как это было впоследствии – коммунизм, анархизм и еще что-нибудь в этом роде. Было очевидно, что с любыми откровенно антиправительственными настроениями, возникающими в среде «образованного меньшинства», сильная и очень решительно настроенная государственная власть во главе с Николаем I справится быстро и без особых проблем. Ее представителей в это время все больше тревожит нечто менее определенное и потому трудно уловимое: то, что, опять-таки, употребляя современную терминологию, можно было бы назвать проявлением черт западноевропейской ментальности в русском образованном обществе. С позиций официальной идеологии очень серьезная, пусть и скрытая угроза устоям выражалась, например, в приоритете, отдаваемом разуму перед верой; или в отрицании авторитетов в любых сферах бытия; или в критическом отношении к действительности, постоянном подчеркивании чувства собственного достоинства и тому подобное.

Наверное, нет необходимости говорить о том, почему проявление подобных черт раздражало и пугало власть, опиравшуюся именно на веру и авторитет, и потому не выносившую критики и проявления личного достоинства у своих подданных. То, что все эти опасные

черты порождает именно европейское просвещение, в эпоху Николая I не вызывало у представителей власти никаких сомнений. И не случайно официальная идеология, одной из главных задач которой было противостоять подобной «европеизации» русской образованной среды, вырабатывалась и отлаживалась именно в стенах Министерства народного просвещения. Правительству предстояло бороться за новые поколения русской образованной молодежи, и противостояли им в этой борьбе те представители «меньшинства», для которых вышеназванные постулаты европейского просвещения стали определяющими. Грановский занимал среди них место в первых рядах.

Таким образом, в эпоху Николая I противостояние между властью и ее оппонентами выражалось внешне не столько в открытой идеологической борьбе, сколько в сфере общих понятий, подходов к окружающей действительности, морально-этических принципов. В сущности, в это время в России развернулась борьба двух систем воспитания. Задачей одной из них было сформировать знающего, дельного, но несклонного рассуждать исполнителя «предначертаний высшей власти»; задачей другой – пробудить в человеке неповторимую индивидуальность, помочь ему стать личностью, способной к самостоятельному, критическому восприятию «города и мира».

Только при подобном подходе к интересующей нас эпохе становится ясно то, что практически невозможно понять вне ее контекста: каким образом ученый-медиевист, университетский профессор, *никогда и ни в чем не отклонявшийся от своих профессиональных занятий* стал одним из самых авторитетных лидеров общественной оппозиции и кумиром нескольких поколений русских образованных людей.

Грановский оказался удивительно адекватен эпохе – потому, собственно, он и остался в истории одним из самых значимых ее символов. Надо думать, такой человек и в другие времена был бы популярен – в узком университетском кругу, например, любим студентами, уважаем в обществе, но более того – едва ли... Ведь, повторюсь, Грановский не был гением, поражающим своей интеллектуальной и творческой мощью. Но он, как мало кто другой, сумел понять потребности времени и откликнуться на них, не выходя из своей профессиональной сферы – с поразительными результатами.

* * *

При всей широте эрудиции Грановского, прекрасном знании исторической литературы и других подобных качествах, главным достоинством его преподавательской и научной деятельности было, несомненно, восприятие истории как единого процесса развития, происходящего по определенным законам. Большую часть своей жизни и деятельности Грановский был убежденным *гегельянцем*, именно с позиций этого философского учения он читал свои лекционные курсы и писал научные труды⁹.

«Гегелизмом» Грановский страстно увлекся в 1836–1838 годах, когда проходил стажировку и готовился к профессиональной деятельности в Берлинском университете – вскоре после окончания Петербургского, учеба в котором, по собственному признанию историка, не дала ему почти ничего. Как личность и как ученый Грановский сформировался именно в Берлине под влиянием немецкой профессуры, в частности, К. Вердера, ученика Гегеля. Но больше

---

⁹ Лишь в начале 50-х годов XIX века, под конец жизни, Грановский начал относиться к гегельянству критически; его все больше увлекал позитивистский подход к истории, сближавший исследование ее с естествознанием. Эта позиция отразилась, в частности, в речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории», публикуемой в приложении к данному сборнику. На преподавательскую и научную деятельность Грановского новое увлечение, впрочем, как мне представляется, серьезного влияния не оказало. См. подробнее: *Левандовский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Издательство Московского университета, 1989. С. 210–214.

всего пользы он извлек, очевидно, из самостоятельного изучения трудов знаменитого философа.

То огромное значение, которое гегельянство сыграло в становлении Грановского-историка, ясно видно из его переписки, особенно из писем к приятелю по Петербургскому университету В. В. Григорьеву. Из них следует, что в первый год своей стажировки Грановский пережил серьезный духовный кризис: он начал свое приобщение к европейской науке с интенсивного изучения исторических источников и монографий – и вскоре впал в тоску... Монотонная, не «скрепленная идеей» работа заставила начинающего ученого всерьез усомниться в познавательных возможностях избранной им науки. Стоит ли вообще заниматься историей, если она не дает ничего, кроме груды разрозненных фактов и отдельных, не связанных друг с другом соображений по их поводу? Этот вопрос всерьез мучил Грановского; позже, в письме к Григорьеву он вспоминал, что «чуть не сошел с ума, видя невозможность добиться дельного ответа». И в том же письме он давал совет приятелю, находившемуся в схожем состоянии духа: «Займись, голубчик, философией <...>. Учись по-немецки и начинай читать Гегеля. Он успокоит твою душу». Именно в трудах немецкого философа Грановский нашел «скрепляющую идею», которая, в его глазах, придала истории смысл, превратив ее в достойнейший предмет изучения. И впоследствии, особенно в первые годы своей деятельности в Московском университете, Грановский апеллировал к великому философу постоянно. Недаром все в том же письме Григорьеву он писал: «Есть вопросы, на которые человек не может дать удовлетворительного ответа. Их не решает и Гегель, но все, что *теперь* доступно знанию человека, и самое знание у него чудесно объяснено»¹⁰.

Под влиянием гегельянского восприятия истории Грановский определил и свое место в жизни. От работы над магистерской диссертацией, которая, по идее, должна была стать главным результатом его учебы за границей, он пока отказался¹¹. «Исторического сочинения соответного моим требованиям, – писал Грановский, – я не могу написать. За материалами дела не станет, придать им художественную форму у меня не достанет силы»¹². Между тем у Грановского под влиянием Гегеля складывается твердое убеждение, что, не разобравшись *в целом*, нельзя браться за частности; не осознав до конца глубинный смысл истории, не поняв *закономерности исторического процесса*, не стоит разрабатывать конкретную тему – толку все равно не будет. Становиться сугубо академическим, узко специализированным ученым Грановский не желал. «Мне хочется работать, но так, чтобы результат этой работы был полезен другим», «работать только для себя мне скучно, мне нужна *живая* (выделено мною. – А. Л.) деятельность», – подобные замечания постоянно мелькают в его переписке берлинских лет¹³.

Формируя в это время свою личную систему ценностей, Грановский безусловный приоритет отдавал не исследовательской работе, а «профессорству»: чтению лекций, посвященных истории в целом, и живому общению со студентами. Вот где можно было связать воедино «кочки знаний», постичь истину самому и открыть ее другим! «Хочу, – писал Грановский, – читать историю Средних веков на славу. Пусть со всех краев мира идут меня слушать <...>. Мне кажется, что я могу действовать при настоящих моих силах и действовать именно словом. Что такое дар слова? Красноречие? У меня есть оно, потому, что у меня есть теплая душа и убеждения. Я уверен, что меня будут слушать студенты»¹⁴.

¹⁰ Русская беседа. 1856. № 4. С. 12–14.

¹¹ Магистерскую диссертацию «Волин, Иомсбург и Винета» Грановский защитил только в 1845 году, через пять лет после возвращения из Берлина; докторскую – «Аббат Сугерий» – в 1849 году.

¹² Т. Н. Грановский и его переписка: [В 2 т.]. Т. II: Переписка Т. Н. Грановского. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897. С. 358.

¹³ Там же. С. 343, 351.

¹⁴ Там же. С. 351.

Сейчас, когда мы знаем, что Грановскому в ближайшем будущем суждено было стать самым популярным лектором Московского университета за всю его историю – эти строки, согласитесь, впечатляют.

* * *

Чему же, собственно, учил Грановский? И чем учение это было так привлекательно для студенческой молодежи и русского общества 40-х годов XIX века? Прежде всего, повторюсь, следует обратить внимание на то, что Грановский воспринимал сам и преподносил своим слушателям и читателям историю не как совокупность хаотических событий, а как единый *целенаправленный* процесс. Ну, а коли так, то он неизбежно брал на себя обязательства разобраться самому и приобщить свою аудиторию к осознанию того, каково это *направление* и что представляет собой эта *цель*.

Так же, как и его главный учитель – Гегель, Грановский в оценке исторического процесса был безусловным оптимистом; он твердо верил, что человечество развивается, *прогрессируя*; при этом лектор очень ясно и выразительно объяснял суть этого понятия: «Весь прогресс человечества заключается в том, что человечество становится сознательнее и цель его бытия яснее и определеннее»¹⁵. При таком подходе само собой разумеется, что лекции по древней и средневековой истории, не были рассказом о некоей самоценной, замкнутой на себе архаике – они неизбежно открывали путь к познанию современности. Раскрывая в них с максимальной полнотой и ясностью мучительный процесс «просветления» человечества, Грановский исподволь вовлекал в него своих слушателей. Опыт прошлых веков должен был помочь им осознать настоящее, понять, какую роль в истории человечества играет тот или иной народ, какие проблемы история ставит перед *их* страной; и, тем самым, предельно облегчить поиски своего места в борьбе со старым, отжившим...

Заявленную схему необходимо было одеть плотью исторических фактов. У Грановского был четкий критерий для отбора фактического материала, который давало ему все то же гегельянство. Вслед за Гегелем движущую, «зидительную» силу всего сущего Грановский видел в абсолютном духе. Абсолют «открывает себя в явлении», познает себя в нем; история суть процесс самопознания абсолютного духа через проявление его в реальности. Абсолют творит во вне, создавая определенные формы – обращаясь к их изучению, человек соприкасается с творящим духом, получает возможность проникнуть в суть его замыслов. Из форм же этих, отмечал Грановский, наиболее значимы в истории каждого народа всего две: в сфере внешнего бытия – *государство*; в сфере внутренней духовной жизни – *религия*.

Однако Абсолют творит, не только созидая, но и разрушая – именно эти «переломные эпохи», содержащие в себе *переход от старого к новому*, должны привлекать историка в первую очередь. «Только здесь, – говорил Грановский, – возможно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле»¹⁶. Анализ же «механики» этих эпох начинался для Грановского с идей, являвшимися провозвестниками Абсолюта, и с *великих людей*, исторических деятелей, которые одушевлялись этими идеями, воплощали их в жизнь.

Итак, Грановскому совершенно ясно было, что в истории представляет наибольший интерес: среди людей – «великие люди, цвет народа, которого дух в них является в наибольшей красоте; между событиями – великие перевороты, которыми начинаются новые круги развития, между положениями – те, в которых развитие достигает полноты своей; наконец, между

---

¹⁵ Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 45.

¹⁶ Там же. С. 46.

формами – великие общества, в которых народная жизнь просторнее движется и чище выражается»¹⁷. Свой лекционный курс Грановский строил соответственно этим подходам, последовательно приобщая своих слушателей к истории, к ее наследию, причем каждая эпоха, в изложении лектора, являлась основой для последующей, ступенькой на пути исторического прогресса.

Все это впечатляло – и, несомненно, Грановский добивался поставленных целей, тем более что у него были очень благодарные слушатели. Один из них великолепно передал то, очевидно, общее впечатление, которое производил лекционный курс Грановского: «Несмотря на обилие материалов, на многообразие явлений исторической жизни, несмотря на особую красоту некоторых эпизодов, которые, по-видимому, могли бы отвлечь слушателя от общего, слушателю всюду чувствовалось присутствие какой-то идущей, вечно неизменной силы. Век гремел, бился, скорбел и отходил, а выработанное им с поразительной яркостью выступало и воспринималось другими. История у Грановского действительно была изображением великого шествия народов к вечным целям, поставленным человечеству провидением»¹⁸. Через изучение истории познавался смысл человеческого бытия... И одним из главных выводов для слушателей Грановского был следующий: есть только один путь развития; Европа прокладывает его, а России предстоит по нему идти. Этот вывод находился за рамками лекционного курса, но вся, поистине, железная логика лектора подталкивала к нему неизбежно.

При этом Грановский счастливо избежал того, что придавало многим рассуждениям Гегеля и его последователей предельно формальный характер: схема в лекциях никогда не подавляла исторический материал, живое бытие прошлого во всем его многообразии. Как совершенно справедливо писал о Грановском Герцен: «принимая историю за правильно развивающийся организм, он нигде не подчинял событий формальному закону необходимости <...>. Необходимость являлась в его рассказе какой-то сокровенной мыслью, она ощущалась издали, как некий *deus unplisitus*¹⁹, предоставляющий полную волю и полный разгул жизни»²⁰.

Все это было немаловажно, если иметь в виду, что Грановский, несомненно, стремился не только учить, но и воспитывать своих слушателей, приобщая их к определенной жизненной позиции. И на университетской кафедре, и в остальных сферах своей деятельности Грановский всегда исходил из твердого убеждения, что человечеству изначально даровано право свободного волеизъявления – великое право, с которым сопряжены великие обязанности. Каждый человек волен сам определять свою жизненную позицию – и сам должен нести всю полноту ответственности за деятельность свою и за бездействие... Историк же обязан твердо помнить о том, что исследует не только стадии саморазвития Абсолюта, но и историческое бытие многих и многих людей – полноправных участников исторического процесса.

Этой хорошо продуманной принципиальной позиции Грановский оставался верен всю жизнь. Он очень последовательно противостоял тому бездушному логическому фатализму, который отчасти был присущ и самому Гегелю, но с особенной силой сказывался в воззрениях его многочисленных эпигонов. Грановский же не просто открывал своим слушателям «тайны Абсолюта» – он судил действующих лиц исторической мистерии. «Двигателям человечества» не прощались ложь, насилие, измена. Характеристики борцов за безнадежное дело возрождения старины, за «идеалы прошедшего» нередко были выдержаны в самых поэтических тонах.

Всегда оставаясь верным научному пониманию истории, Грановский органично сочетал с ним *нравственную оценку* прошлого. И в результате сухая гегельянская историософия, круто

¹⁷ Там же. С. 46–47.

¹⁸ Отечественные записки. 1858. № 8. С. 93–94.

¹⁹ Связанный бог (*лат.*).

²⁰ Герцен А. И. О публичных чтениях г-на Грановского (Письмо второе) // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. II: Статьи и фельетоны: 1841–1846. Дневник: 1842–1845 / Ред. Я. Е. Эльсберг. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 126–127.

замешанная на абстракциях, логике, «чистом разуме», обретала в лекциях живую душу, становилась *человечной*. «Humanitas humaniora» – «человечность, больше человечности» – призыв, повторявшийся гуманистами эпохи Возрождения, в полной мере определял всю деятельность Грановского в Московском университете – да и за его стенами тоже.

Под этим девизом, созвучным пушкинскому – «...и милость к падшим призывал» – в николаевской России с ее деспотизмом, направленным именно на подавление человеческого в человеке, можно было сделать многое. И, может быть, наряду со всеми прочими достоинствами именно этот непривычный подход к истории так привлекал слушателей в аудиторию, где читал свои лекции Грановский. Ведь, в конце концов, студенты всех факультетов и отделений валом валили в эту аудиторию не за специальными знаниями по древней или средневековой истории Западной Европы, и, конечно, не затем, чтобы поклониться некоему кумиру – «артисту на кафедре». Они обретали здесь ту самую жизненную позицию, которая нередко определяла все их будущее. Студенческая молодежь ценила Грановского не за внешнее обаяние и «красивый слог», и даже не за то, что он был превосходным профессором-интеллектуалом и эрудитом, она относилась к историку как к Учителю в самом высоком смысле этого слова. А «учение» его противостояло, в принципе, мертвящим схемам «официальной народности» – и в этом плане было вполне адекватно литературной критике В. Г. Белинского, философским статьям А. И. Герцена, повестям И. С. Тургенева. У того костерка, который развел Грановский, отогрелась не одна сотня человек...

* * *

В этом сборнике читателю представлены те произведения Грановского, с которыми он выходил за стены Московского университета, обращаясь ко всему русскому обществу²¹. Прежде всего это «Четыре исторические характеристики» – публичные чтения 1851 года, в подготовке которых к печати принимал участие сам автор. Надо думать, что для Грановского, привыкшего излагать историю в связи, подобные чтения были своеобразным экспериментом: через характеристику четырех героев – тех, кого он сам называл «великими людьми», – ученый попытался показать различные стороны исторического процесса, воплощением которых эти герои, по его мнению, являлись. Так, Тамерлан, в изображении Грановского, представлял собой силу исключительно разрушительную; Александр Македонский, знаменуя собой преодоление греческой замкнутости и ограниченности, своими завоеваниями выводил человечество на новый уровень развития; Людовик IX характеризовался как государственный деятель, «устроитель» своих подданных, близкий к идеалу; и, наконец, в деятельности Ф. Бэкона лектор угадывал проблески будущего, когда именно наука станет главной движущей силой истории.

Кроме того в сборнике помещен комплекс небольших по объему статей и очерков, опубликованных Грановским в различных периодических изданиях и энциклопедиях и основательно подзабытых в наше время. Между тем, написанные легко и изящно, они до сих пор представляют несомненный интерес – именно в том ракурсе, который и предполагался автором: популяризации истории Западной Европы, малознакомой тогдашнему обществу. У меня,

---

²¹ Конечно же, наиболее значимым явлением в наследии Т. Н. Грановского были его университетские курсы. Однако они сохранились лишь в студенческих записях, которые дают достаточно полное представление о содержании лекций, но, не могут передать их форму, неповторимую стилистику Грановского-лектора. Записи, опубликованные С. А. Асиновской, выдающимся знатоком наследия историка, достаточно сложны для восприятия и представляют интерес прежде всего для специалистов. К этим публикациям мы и отсылаем всех заинтересовавшихся этой стороной деятельности Т. Н. Грановского: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: (Авторский конспект и записи слушателей) / Предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961; Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья / Вступ. статья С. А. Асиновской, примеч. С. А. Асиновской, Л. А. Никитиной. М.: Наука, 1971; *Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья* / Сост. С. А. Асиновская; статьи С. С. Дмитриева, Е. В. Гутновой, С. А. Асиновской; примеч. С. А. Асиновской, Л. А. Никитиной, Т. Д. Сергеевой. М.: Наука, 1987. (Памятники исторической мысли).

откровенно говоря, нет уверенности, что положение дел с тех пор заметно изменилось к лучшему... Характерно, что некоторые из этих написанных более полутора веков назад очерков – о Баярде, например, или о квакерах – до сих пор не «перекрыты» в нашей литературе более поздними произведениями...

В приложении помещены две работы Грановского особого жанра. Это речь «О современном состоянии и значении всеобщей истории», произнесенная в торжественном собрании Московского университета, и записка «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены». В обоих случаях Грановский очень ярко и эмоционально отстаивает значение всеобщей истории именно с тех позиций, которые обрисованы во вступительной статье.

Особенно интересной и значимой представляется «Записка», в которой Грановский чрезвычайно убедительно, на мой взгляд, показывает, к чему ведет пренебрежение «гуманитарией», одностороннее развитие за ее счет «практических наук», в данном случае, прежде всего, естествознания. Ведь Грановский, по сути дела, предсказывает здесь наступление эпохи нигилизма... Прошло полтора-два десятилетия, и то же Министерство народного образования, которое в 40-х годах XIX века из «идейных соображений» сокращало часы, отведенные на преподавание латыни и древней истории, резко изменив свою позицию, начало буквально глушить гимназистов латынью – теперь уже в борьбе с ненавистным нигилизмом, густо замешанном на естественных науках... Призыв Грановского к гармоничному образованию, не услышанный в те годы, сейчас, согласитесь, звучит не менее актуально.

В целом же изданием сборника публикаторы хотели напомнить об одном из представителей того замечательного сообщества, которому мы так многим обязаны и которое нами, к стыду нашему, полузабыто... Конечно, юбилеи у нас почти всегда сугубо официозны, и все же... В 2011 году как-то незаметно минуло двести лет со дня рождения В. Г. Белинского, в 2012 – А. И. Герцена... В 2013 году – 200-летний юбилей Тимофея Николаевича Грановского. Особых торжеств по этому случаю в «общегосударственном масштабе» или хотя бы в стенах Московского университета так же не предвидится – и бог с ними. Но мы, публикаторы, счастливы, что эта небольшая книжка выходит именно в 2013 году.

А. А. Левандовский

I. Публичные чтения

Четыре исторические характеристики

22

---

²² Лекции о Тимуре, Александре Великом, Людовике IX Святом и Ф. Бэконе были прочитаны Т. Н. Грановским в 1851 г. и изданы отдельной книжкой в 1852 г. в Москве (Четыре исторические характеристики: Публичные лекции, читанные ординарным профессором Т. Грановским в 1851 г. М.: Университетская типография, 1852). «Четыре исторические характеристики» печатаются по изданию: Сочинения Т. Н. Грановского: [В 2 ч.]. 3-е изд. Ч. I. М.: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1892. С. 337–406.

Чтение первое. Тимур

Предметом наших чтений будут характеристики Тамерлана²³, Александра Македонского²⁴, Лудовика IX²⁵ и канцлера Бэкона²⁶. Мы найдем не много сходного в их внутренней жизни, еще менее во внешней истории их подвигов; подвиги каждого из них отмечены особенным, ему исключительно принадлежащим характером. Но между ними есть одно общее: это название великих людей, данное им современниками и утвержденное потомством. Что же такое связано с этим названием? Какое призвание в истории людей, означенных именем великих? Вот вопрос, которым я позволю себе начать эти чтения. Вопрос этот не лишен некоторой современности. Еще недавно поднимались голоса, отрицавшие необходимость великих людей в истории, утверждавшие, что роль их кончена, что народы сами, без их посредства, могут исполнять свое историческое назначение. Все равно сказать бы, что одна из сил, действующих в природе, утратила свое значение, что один из органов человеческого тела теперь стал не нужен. Такое воззрение на историю возможно только при самом легком и поверхностном на нее взгляде. Но тот, для кого она является не мертвою буквою, кто привык прислушиваться

²³ *Тимур* (Тамерлан, Железный Хромец) (1336–1405) – среднеазиатский полководец и государственный деятель, эмир (1370), создатель централизованного государства в Средней Азии со столицей в Самарканде, основатель династии Тимуридов. Подробнее о Тамерлане см.: *Иваниш М. И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане / Под ред. князя Н. С. Голицына. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875; Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-Хане и Аксак-Темире / Вступ. статья и коммент. В. А. Панова. М.; Л.: Academia, 1934; *Муминов И. М.* Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии: В свете данных письменных источников. Ташкент: Фан, 1968; *Рахманалиев Р.* Военная держава Амира Тимура. М.: Прогресс, 2005; *Пу Ж.-П.* Тамерлан / Пер. с фр. Е. А. Соколова; послесл. В. Л. Егорова. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1263/1063); *Шарафад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме (Книга побед Амира Темура) / Предисл., пер. со староузбекск. и коммент. А. Ахмедова. Ташкент: San'at, 2008.

²⁴ *Александр Македонский* (Ἀλέξανδρος ὁ Μέγας) (Александр Великий, Искандер) (356–323 до н. э.) – македонский полководец и государственный деятель, царь Македонии из династии Аргеадов (336 до н. э.), создавший в ходе завоевательных походов на Восток (334–324 до н. э.) крупнейшую мировую державу, располагавшуюся на территории от Дуная до Инда. Подробнее о нем см.: *Ковалев С. И.* Александр Македонский. Л.: Соцэкгиз, 1937; *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. [Казань]: Издательство Казанского университета, 1976; *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М.: Наука: Восточная литература, 1980; *Шофман А. С.* Распад империи Александра Македонского. [Казань]: Издательство Казанского университета, 1984; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский / Сокр. пер. с нем. и послесл. М. Н. Ботвинника, А. А. Нейхардт. 2-е изд. М.: Наука, 1988; *Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л.: Наука, 1988. (Всеобщая история); *Маринович Л. П.* Греки и Александр Македонский: К проблеме кризиса полиса. М.: Наука: Восточная литература, 1993; *Фор П.* Александр Македонский / Пер. с фр. И. И. Маханькова. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1501/1301).

²⁵ *Людвиг IX – Людовик IX* (Louis IX) *Святой* (1214–1270) – французский король из династии Капетингов (1226–1270), организатор и глава VII крестового похода в Египет (1248–1254) и VIII крестового похода в Тунис (1270). Подробнее о нем см.: История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: В III т. / Сост. М. М. Стасюлевич. 2-е изд. Т. III. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1887. С. 665–714; Средневековый идеалист: (Людовик IX Святой) / Сост. С. П. Моравский. М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1902; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. Матузовой. М.: Ладомир, 2001; *Гарро А.* Людовик Святой и его королевство / Пер. с фр. Г. Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2002. (Clio Personalis); *Жан де Жуанвилль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько; под ред. Ю. П. Малинина и А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2012. (Clio).

²⁶ *Бэкон* (Васон) *Фрэнсис* (Франц) (1561–1626) – английский политический деятель, историк, философ, один из родоначальников материализма, литератор, публицист, естествоиспытатель, член парламента (1584) и Тайного совета (1616), лорд-хранитель печати (1617), лорд-канцлер, пэр Англии, барон Веруламский (1618), виконт Сент-Олбанский (1621). Произведения Ф. Бэкона см.: Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Пер. З. Е. Александровой; статья и примеч. Ф. А. Коган-Бернштейн. 2-е изд. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. (Литературные памятники); Сочинения: В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина. 2-е изд. М.: Мысль, 1977–1978. (Философское наследие); История правления короля Генриха VII / Под общ. ред. М. А. Барга; пер. и коммент. В. Р. Рокитянского и др. М.: Наука, 1990. (Памятники исторической мысли). Подробнее о философе см.: *Либих Ю. Ф.* Бэкон Веруламский и метод естествознания / Пер. А. Филиппченко. СПб.: Типография Куколь-Яснопольского, 1866; *Фишер К.* Бэкон Веруламский / Пер. Ф. Терновского. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1866; *Городенский Н. Г.* Франциск Бэкон, его учение о методе и энциклопедия наук: Историко-философский очерк. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1915; *Субботин С. Ф.* Бэкон. М.: Соцэкгиз, 1937; *Субботин А. Л.* Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974. (Мыслители прошлого).

к ее таинственному росту, видит в великих людях избранников Провидения, призванных на землю совершить то, что лежит в потребностях данной эпохи, в верованиях и желаниях данного времени, данного народа. Народ есть нечто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаружения себя претвориться в мысль и волю одного, одаренного особенно чутким нравственным слухом, особенно зорким умственным взглядом лица. Такие лица облекают в живое слово то, что до них таилось в народной думе, и обращают в видимый подвиг неясные стремления и желания своих соотечественников или современников. Но с приведенным мною прежде мнением соединяется другое, столь же неосновательное, по которому великие люди являются чем-то случайным, чем-то таким, без чего можно обойтись. Заметим по этому поводу, что великая роль случая допускается только в эпохи умственного и нравственного ослабления, когда человек перестает верить в законное движение событий, когда он теряет из виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человечества. Конечно, не всегда ясно нам место, принадлежащее великому мужу в цепи явлений, не всегда ясна задача его деятельности. Проходят века, а он остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаем, зачем приходил он, зачем возмущал народы. Толки, им вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже с точностью определить влияния, им обнаруженного. Но разве то, что нам непонятно сегодня, должно остаться непонятным и завтрешнему дню? Разве каждое новое событие не проливает света на события, по-видимому, давно уже свершившиеся и замкнутые? Смысл отдельных явлений иногда раскрывается только по прошествии веков и даже тысячелетий. Наука в таких случаях не в состоянии опередить самой жизни и должна терпеливо ждать новых фактов, без которых был бы не полон круг известного развития. Историческое значение Сократа²⁷ оценено должным образом только в XIX столетии, на расстоянии двадцати двух веков от приговора, произнесенного над ним афинским народом²⁸.

При изучении каждого великого человека мы должны обратить внимание на личность его, на почву, на которой он вырос, на время, в которое он действовал. Из этого тройного элемента складывается его жизнь и деятельность. Задача трудная, решение которой предоставлено, если можно так выразиться, особенной исторической психологии, имеющей целью устранить временные и местные влияния, видоизменяющие частные свойства лица. При внимательном созерцании великих личностей, они являются нам откровениями целого народа и целой эпохи. Для чего бы они ни были призваны на землю, для блага ли, для зла ли, во всяком случае, они стоят не отдельно, не независимо, но тесно и крепко связаны с землею, на которой выросли, и с временем, в котором действуют. Особенности трудности в этом случае представляет история Востока: она подчинена другим законам, развивается под другими условиями, нежели европейская. Там народы косятся в продолжение веков в непробудном сне. Им видятся странные грезы, которые они переносят не только в свою поэзию, но и в свою историю. Там нет правильных переходов от одной эпохи к другой: нет постепенности и, следовательно, логической необходимости в развитии, и потому появление великих людей часто принимает характер чистой случайности. Но и здесь подобное заключение было бы слишком опрометчиво. Когда нас, например, поражает явление вроде того завоевателя, о котором я буду иметь честь говорить в

²⁷ *Сократ* (Σωκράτης) (470/469 – 399 до н. э.) – древнегреческий философ, живший в Афинах, участник Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.), член афинского Совета пятисот (406 до н. э.), основоположник диалектики как метода поиска истины путем диалога.

²⁸ В 399 г. до н. э. трагический поэт Мелет, ритор Ликон и хозяин кожевенных мастерских Анит обвинили Сократа в свращении юношества и в том, что он вводил новых богов и не признавал богов, почитаемых в Афинах. Дело философа рассматривалось в одном из отделений суда присяжных, состоявшем из 500 граждан. Большинство голосов афиняне признали Сократа виновным и приговорили к казни. Проведя 30 дней в тюрьме, философ покончил с собой, приняв яд цикуты. См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Вступ. статья А. Ф. Лосева; пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. (Философское наследие). С. 115–117; Нерсесянц В. С. Сократ. М.: Наука, 1977. (Научные биографии). С. 104–139; Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер. С. И. Соболевского; статьи С. И. Соболевского и К. П. Полонской; коммент. С. И. Соболевского. М.: Наука, 1993. (Памятники философской мысли). С. 5 – 159; *Суриков И. Е.* Сократ. М.: Молодая гвардия, 2011. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 1518/1318). С. 287–331.

нынешнем чтении, когда мы с трепетным чувством спрашиваем у себя отчета в делах какого-нибудь Чингиса²⁹ или Тимура и теряемся в догадках; когда в нас невольно рождаются вопросы: какой потребности удовлетворили эти люди, зачем покрыли землю развалинами, зачем стерли с лица земли столько царств, столько прекрасных форм, успевших развиться из недр магометанской цивилизации? Мы вправе отвечать: а разве у этих народов, выведенных на сцену истории Чингисом и Тимуром, дремавших дотол в бесконечном и скучном однообразии кочевого быта, не было потребности проснуться однажды и изведать все наслаждение и все тревоги деятельной исторической жизни? Но страшно бывает такое пробуждение восточных народов! Судьба Тимура, или Тамерлана, связана с одним из этих взрывов. В беседах, ограниченных пределами скудно отмеренного времени, я не могу представить Вам полных биографий и должен просить Вас довольствоваться краткими характеристиками, в которых постараюсь показать отличительные особенности каждого из лиц, выбранных мною для этих чтений. Связь между ними только внешняя, но всем им принадлежит право на название «великих», потому что все они оставили глубокие, хотя и не сходные между собою, следы на почве всемирных событий. Я ограничусь теми характеристическими чертами, по которым можно разгадать лицо самого Тамерлана и того народа, которого он был представителем.

На обширном пространстве между Каспийским, Охотским и Японским морями исконно блуждали племена, принадлежащие двум великим породам: монгольской³⁰ и турецкой³¹. Иногда отдельные отрасли обеих пород сливались, образовывали новые народности и выходили под разными именами на сцену истории. Их выступление однообразно ознаменовано одним характером жестоких опустошений. Они приносили с собою гибель для всякой стоявшей на их дороге общественной формы, но сами не были в состоянии создать прочного и одаренного условиями внутреннего развития государства. Около четырех веков по Р.Х. монголо-турецкие племена явились в Европе под именем гуннов³² и поразили ужасом славян и германцев³³. Народное сказание приписывало гуннам особенное происхождение. Готы³⁴ говорили, что они прижиты блуждавшими в пустыне нечистыми духами от готских волшебниц. До такой степени смутил европейцев безобразный облик этих сынов степи, их дикий образ жизни, их нравы, их беспощадная лютость. Была пора, когда они грозили не только независимости европейских народов, но самому существованию греко-римской цивилизации. На полях Католаунских³⁵

²⁹ *Чингис* – *Чингисхан* (Чингис-хан, «Великий хан», собств. имя: Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155–1227) – монгольский полководец, в 1206 г. провозглашен великим ханом над всеми племенами, основатель единого монгольского государства. В ходе завоевательных походов в 1207–1227 гг. Чингисхан сумел значительно расширить территорию монгольского государства, подчинив народы Сибири и Восточного Туркестана (буряты, якуты, киргизы и др.), присоединив тангутское государство Си-Ся на северо-западе Китая и значительные территории на севере Китая, Среднюю Азию и часть Закавказья. О нем подробнее см.: *Грассе Р.* Чингисхан: Покоритель вселенной / Пер. с фр., вступ. слово Е. А. Соколова. М.: Молодая гвардия, 2000. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 773); *Лэмб Г.* Чингисхан: Властелин мира / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003. (Nomen est omen).

³⁰ *Монголы* – название народов, говорящих на монгольских языках (собственно монголы, дунсян, дауры, буряты, калмыки и др.). Впервые этноним «монголы» («мэнгу») встречается в китайских хрониках VII в. С его помощью определяли племена, кочевавшие по территории современной Монголии и Маньчжурии.

³¹ «Турецкими» племенами Т. Н. Грановский называл все тюркские народы, составляющие этноязыковую общность, оформившуюся на территории степей Северного Китая в I тыс. до н. э. (гунны, печенеги, половцы, булгары, хазары, турки-османы, мамелюки, якуты, долганы и др.).

³² *Гунны* – кочевой народ, сформировавшийся во II–IV вв. в Приуралье из угров, ираноязычных сарматов и тюркоязычных хунну. В 70-х годах IV в. гунны двинулись на запад и обосновались на территории современной Венгрии, откуда совершали постоянные набеги на Восточную Римскую империю.

³³ *Германцы* – большая группа племен (батавы, кимбры, лангобарды, свевы, тевтоны и др.), расселившаяся к I в. до н. э. на территории между Нижним Рейном и Вислой, Дунаем, Балтийским и Северным морями, и в Южной Скандинавии.

³⁴ *Готы* – германские племена, жившие сперва на южном побережье Балтийского моря и на Нижней Висле, а в конце II – первой половине III в. переселившиеся в район Северного Причерноморья.

³⁵ *Католаунские поля* – историческое место в северо-восточной Франции, равнина возле современного Шалона-на-Марне. 20 июня 451 г. в битве на Католаунских полях войска Западной Римской империи под командованием Аэция Флавия (Aetius Flavius; † 454) вместе с вестготами и франками разгромили гуннов, вторгшихся в Галлию под предводительством *Аттилы*

решился этот вопрос. Владычество их продолжалось, впрочем, не долго. Они исчезли с европейской почвы, не оставив никакого следа ни в учреждениях, ни в нравах. Чрез восемь веков Европа принимала снова тех же гостей: их суждено было встретить нашей России, тогда только что начинавшей свое историческое служение³⁶. Она приняла на свою грудь удары варваров и подпала под их тяжкое иго³⁷. Но остальная Европа, искупленная ею, избавилась от дальнейших бедствий. Зато нашествие было страшно для тех, на кого оно обрушилось непосредственно. Свидетельства современников-очевидцев о нравах монгольского племени отличаются редким согласием общих черт. Арабы, персы, западные монахи-послы при дворе хана и венецианский купец Марко Поло³⁸ характеризуют монголов почти одними и теми же выражениями. «Нет народа более способного завоевать мир, как татары³⁹; они храбры, они привычны ко всякого рода лишениям, они бесчеловечны, хищны, против них не может устоять ни одно государство», – говорит Марко Поло. Восточные народы по свойственному им фатализму смотрели на дикарей Чингиса и Тимура как на неотвратимую, небом ниспосланную кару. Их летописи наполнены странными, почти невероятными рассказами о страхе, который не только целые отряды, но одинокие монголы внушали значительным селениям и городам. Жители нередко добровольно подставляли шею под удары в полном убеждении, что сопротивление бесполезно. До такой степени распространено было в Азии мнение о непобедимости монголов. Виновином их могущества был, как Вам известно, Чингис-хан в начале XIII столетия. Он сам высказал цель своих войн. Овладев значительною частью Азии, в летах преклонной старости он собрал однажды совет свой и предложил вождям следующий вопрос: какое благо выше всех на земле? Каждый из вождей отвечал по-своему. Старый хан покачал головою и сказал им: «Нет; счастливее всех на земле тот, кто гонит разбитых им неприятелей, грабит их добро, скачет на конях их, любит слезами людей им близких и целует их жен и дочерей». Государство, основанное на таких началах, не могло быть прочно. По смерти Чингиса оно распалось на несколько орд, которые вскоре стали враждовать между собою.

Тимур родился близ Самарканда⁴⁰, в бывшем царстве Чингисова сына Чагатая⁴¹. Народы Востока глубоко запомнили роковую ночь на 9-е апреля 1336 года⁴². Он родился, как говорит предание, с куском запекшейся крови в руке и с белыми, как у старца, волосами. По женской линии⁴³ он принадлежал к потомству Чингиса, но отец его⁴⁴, один из многочисленных чагатай-

(Atila; † 453).

³⁶ Речь идет о завоевательных походах 1219–1242 гг., в ходе которых монголы сумели выйти к Адриатическому морю.

³⁷ Имеется в виду монголо-татарское иго XIII–XV вв.

³⁸ *Поло (Polo) Марко* (ок. 1254–1324) – венецианский путешественник, писатель, первый европеец, исследовавший Внутреннюю Азию, состоял на службе у монгольского хана Хубилая (до 1294). Его рассказы о путешествиях составили «Книгу Марко Поло» («Il Milione», 1298). См.: Книга Марко Поло / Вступ. статья И. П. Магидовича; пер. со старофр. И. П. Минаева. М.: Географгиз, 1955. О Марко Поло см.: *Дреж Ж.-П.* Марко Поло и Шелковый путь / Пер. с фр. И. С. Бородычевой. М.: Астрель; АСТ, 2006. (История. Открытие); *Юрченко А. Г.* Книга Марко Поло: Записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007.

³⁹ В XIX в. этнонимы «татары» и «монголы» считались синонимами. Однако татары были самостоятельным тюркоязычным народом, обитавшим к северо-востоку от озера Байкал. Во время нашествия Чингисхана они выступили как воинский и административный авангард монголов. По этой причине современная наука, говоря о походах Чингисхана и его сыновей, вместо старого термина «татаро-монголы», предпочитает использовать понятие «монголо-татары» (или просто «монголы»).

⁴⁰ *Самарканд* – город, расположенный в долине р. Зеравшан, один из старейших городов в Средней Азии: основан около 700 г. до н. э. В настоящее время город входит в состав Самаркандской области Республики Узбекистан.

⁴¹ *Джагатай* (Чагатай) († 1242) – монгольский полководец, хан, второй сын Чингисхана. В 1224 г. он получил от отца в удел среднеазиатские земли от Алмалыка (город на востоке Узбекистана) до Мавераннахра (область между реками Амударья и Сырдарья), образовавшие Джагатайский (Чагатайский) улус со столицей в г. Бишбалык на р. Или.

⁴² Тимур родился в с. Ходжа-Ильгар возле г. Кеш (в настоящее время г. Шахрисабз Кашкадарьинской области Республики Узбекистан), располагавшемся к югу от Самарканда.

⁴³ Считается, что матерью Тимура была *Текина-хатун*. Какие-либо достоверные сведения о ее жизни и происхождении отсутствуют.

⁴⁴ *Тарагай Бахадур* († 1360) – монгольский военный и политический деятель, бек из монгольского племени барлас, отец

ских князей, не мог оставить ему большого могущества. С ранних лет Тимур обнаружил неодолимую силу воли и властолюбие. Будучи ребенком, он заставил товарищей своих детских игр присягнуть себе в послушании и верности. Никто из них не равнялся с ним, впрочем, в силе и ловкости. Первые годы его жизни прошли в подвигах мелкого грабежа и разбоев, доставивших ему славу бесстрашного наездника. Восточная фантазия внесла в эти темные годы Тимуровой молодости те же подробности и те же преувеличения, какими наполнены сказания о молодости других азиатских героев. Тимур выступил на театр всемирно-исторической деятельности в летах зрелого мужества, одолев множество противников, столько же незначительных по объему власти, как и он сам. В этих постоянных трудах и войнах приготовился он к роли, которая ему предстояла впереди. В 1371 г., следовательно, когда ему было 35 лет от роду, он уже владел землями от Каспия до Манжурии⁴⁵ и держал на престоле чагатайском подвластного ему потомка Чингисова с бесплодным титулом великого хана. Влияние его простиралось на большую часть земель, завоеванных прежде монголами. Князя Кипчакской Орды⁴⁶, владычествовавшей над Россией, призывали его посредником в своих распрях. Он поставил над ними Тохтамыш⁴⁷; но Тохтамыш не был благодарен. Несколько лет спустя он сделал попытку сбросить с себя иго Тимура⁴⁸. Борьба была неравная. Пред началом решительной битвы из рядов Тимуровых выступил старый шейх Береке⁴⁹, произнес молитву и, взяв горсть пыли, бросил ее в войско врагов: «Да помрачится лицо ваше стыдом поражения», – сказал он. Разбитый близ Волги кипчакский хан бежал, собрал новое войско и в 1395 году снова встретился с Тимуром на Тереке⁵⁰. Тимур одержал еще кровавую победу и сокрушил окончательно силы своего противника. Для России наступила грозная година испытания. Куликовская битва⁵¹ казалась, по-видимому, бесплодным напряжением народных сил. Что был Мамай⁵² в сравнении с Тимуром! До нынешнего Ельца⁵³ дошел Железный Хромец, как называют его наши летописи, и остановился. Восточные летописцы приписывают его нерешимость идти далее огромным богатствам, которые он будто бы уже наградил в этом походе. Но православная церковь празднует 26-го августа день перенесения Владимирской Божией Матери⁵⁴ в Москву и отступления Тимура.

Тимура.

⁴⁵ *Манжурия* – *Маньчжурия* (Манчжурия) – историческая область на северо-востоке Китая, включающая в свой состав территории современных китайских провинций Ляонин, Гирин и Хейлунцзян, а также северо-восточную часть Внутренней Монголии.

⁴⁶ *Кипчакская Орда* – название Золотой Орды, распространенное в русской исторической литературе в XIX – начале XX в.

⁴⁷ *Тохтамыш* († 1406) – монгольский военный деятель, потомок старшего сына Чингисхана Джучи, заяицкий хан, с 1380 г. хан Золотой Орды.

⁴⁸ В 1389–1395 гг. Тохтамыш вел борьбу с Тимуром за земли в Закавказье и Средней Азии, в ходе которой он потерпел поражение.

⁴⁹ *Береке Мир Сейид* († 1403) – монах-суфий из Медины, шейх, с 1370 г. духовный наставник Тимура.

⁵⁰ *Терек* – река на Северном Кавказе, берущая начало из ледника горы Зильгахох и впадающая в Каспийское море. 15 апреля 1395 г. возле Терека войска Тимура разгромили армию Тохтамыша. После поражения Тохтамыш потерял золотоордынский престол и бежал в Литву.

⁵¹ *Куликовская битва* – сражение русских полков под руководством князя *Дмитрия Донского* (1350–1389) с монголо-татарским войском под предводительством Мамаи, состоявшееся 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле (между реками Дон и Непрядва). В ходе сражения русские войска разбили монголо-татар и преследовали противника на протяжении 50 км от Куликова поля. После Куликовской битвы владычество золото-ордынских ханов над Русью стало номинальным.

⁵² *Мамай* († 1380) – татарский военный и политический деятель, темник (1357–1361), фактический правитель Золотой Орды (1361–1380).

⁵³ *Елец* – русский город, располагающийся возле пересечения рек Быстрой Сосны и Ельчик; впервые упоминается в летописи в 1146 г. В настоящее время город является административным центром Елецкого района Липецкой области Российской Федерации.

⁵⁴ *Икона Владимирской Божьей Матери* – одна из почитаемых святынь Русской православной церкви. Согласно преданию, написанную евангелистом Лукой икону привезли на Русь в начале XII в. из Византии как подарок князю *Юрию Долгорукому* (ок. 1090–1157). С 1155 г. она хранилась в Успенском соборе во Владимире, отчего и получила название Владимирской. В 1395 г. икону перенесли из Владимира в Москву для защиты города от войск Тимура.

Конечно, Тимура испугали не военные приготовления великого князя Василия Дмитриевича⁵⁵, готовившегося умереть за народ свой, и не насытили сокровища, найденные им в степях Юго-Восточной России. Но с тех пор Тимур не касался более пределов Европы; театром его подвигов стала исключительно Азия. Я уже сказал, что не могу входить в биографические подробности о Тимуре; но если бы даже для нашей беседы было отмерено более времени, то и тогда я не считал бы нужным утомлять Ваше внимание однообразными подробностями разорения и опустошения стран, куда он являлся, как кара Божия. Укажу только на характеристические черты, которые познакомят Вас с образом войны и с личностью Тимура. Персия по географическому положению своему должна была прежде других стран обратить на себя внимание вождя чагатайских татар и подпала под его владычество⁵⁶. В многолюдном, цветущем торговлею Испагане⁵⁷ вспыхнуло восстание против победителей. Тимур возвратился, взял город с бою и памятником своим оставил на площади испаганской пирамиду, сложенную из 70 000 человеческих черепов. Такие пирамиды расставил Тимур по значительнейшим городам Азии. Еще более горькая участь постигла Багдад⁵⁸, великолепнейший город магомеданского Востока, некогда столицу калифов Аббасидов⁵⁹. Он осмелился противиться Тимуру и заплатил за эту отвагу гибелью почти всего своего населения. Часть жителей погибла в волнах Тигра⁶⁰; из черепов тех, которые пали под ударами Тимуровых воинов, выстроено было сто двадцать небольших башен. Но все эти ужасы едва ли могут сравниться с тем, что испытала Индия⁶¹. Тимур избрал тот же путь, которым некогда шел завоеватель другого рода, Александр Великий. В Пенджабе⁶² и в Гангесской долине⁶³ до Дели⁶⁴ не осталось целого города или селения. Груды развалин и трупов свидетельствовали о недавнем проходе татарских войск. Дели слыл тогда богатейшим городом Индии. Готовясь к приступу, Тимур вспомнил, что в лагере его сто тысяч пленников, которых он прежде собрал для осадных работ. Он отдал приказание немедленно предать их всех смерти. Приказание это было в точности исполнено. В самом Дели погибло несколько сот тысяч человек. На возвратном пути из Индии Тимур увел с собою до миллиона взятых там рабов, между прочим, он приказал брать всех ремесленников и всех ученых. В этой свирепой душе таилось какое-то, можно сказать, мистическое уважение к науке. Театром дальнейших подвигов такого же рода была Сирия и владения турецкого султана, грозившего в то время Европе. Дамаск⁶⁵ и Алеппо⁶⁶ исчезли на время из списка значительных горо-

⁵⁵ Василий I Дмитриевич (1371–1425) – великий князь московский (1389–1425), старший сын князя Дмитрия Донского.

⁵⁶ Тимур начал завоевание Персии в 1386 г.

⁵⁷ *Исфахан* (Испагань) – персидский город, расположенный в центральной части страны, в долине р. Заянде у подножия гор Загрос. Исфахан был завоеван воинами Тимура в 1387 г. В настоящее время город является столицей провинции Исфахан Исламской Республики Иран.

⁵⁸ *Багдад* – город, располагающийся на обоих берегах р. Тигр, близ устья р. Дияла; со второй половины VIII в. – столица халифата Аббасидов. Багдад был основан в 762 г. по приказу халифа *Абу Джафара аль-Мансура* (между 709 и 713–775). В настоящее время город является столицей Республики Ирак.

⁵⁹ *Аббасиды* – *Аббасиды* – правившая в Дамаске, Багдаде и Самарре с 750 по 1258 г. династия арабских халифов, происходившая от *Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба* (566–652), дяди пророка Мухаммеда.

⁶⁰ *Тигр* – река, протекающая по территории современных Турции и Ирака, возле границы с Сирией. Она берет начало на востоке Турции, пересекает часть Месопотамской низменности, сливается в Ираке с р. Евфрат и впадает в Персидский залив.

⁶¹ О завоевании Индии Тамерланом см.: Гийасаддин А. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с перс., предисл. и примеч. А. А. Семенова. М.: Издательство восточной литературы, 1958.

⁶² *Пенджаб* – историческая область в Южной Азии, располагающаяся в северной части Индо-Гангской равнины (территория современных Индии и Пакистана).

⁶³ *Гангесская долина* – долина р. Ганг в Индии.

⁶⁴ *Дели* (Индрапрастха, Дхиллика) – город, расположенный на севере Индии, на правом берегу р. Джамна, возник в начале I тыс. до н. э., с 1206 г. – столица Делийского султаната, а с 1526 г. – столица империи Великих Моголов. В настоящее время город является столицей Республики Индия.

⁶⁵ *Дамаск* – город, расположенный в нижнем течении р. Барада. Первые упоминания о нем относятся к XVI в. до н. э. В настоящее время город является столицей Сирийской Арабской Республики. Дамаск был разрушен воинами Тимура в 1401 г.

⁶⁶ *Алеппо* (Халеб, Хаппа, Беройя) – город, расположенный на р. Коике в северо-западной части Сирии. Первые упоминания

дов азиатских. Жители их были избиты или отведены в рабство вглубь степей Средней Азии. В большей части завоеваний Тимура трудно заметить какую-нибудь определенную политическую цель. Можно подумать, что им руководила безотчетная страсть к разрушению. Разорив богатую страну, срыв до основания ее города, потоптав копытами коней своих ее жатвы, настроив пирамид из отрубленных голов, он шел далее, не заботясь о прочном утверждении своей власти в оставленной им безобразной пустыне.

Встреча его с Баязидом⁶⁷ принадлежит к числу великих событий всеобщей истории. Оба они носили один и тот же тип восточного завоевателя. Но Баязид недаром коснулся европейской почвы и принял от нее влияние. Он думал об основании крепкого, опирающегося на надежные учреждения, государства. Еще до начала войны между Баязидом и Тимуром возникла любопытная переписка, где истощены были все допустимые восточными дипломатическими формами ругательства. За эти оскорбления должны были поплатиться жители Малой Азии. Первый город Баязида, на который пали удары Тамерлана, был Сиваш⁶⁸, взятый после довольно долгой осады, при которой показали особенное искусство монгольские инженеры. В этом отношении Тимур был великий человек, истинный художник. В войске его было несравненно более порядка, чем в войске Баязида; он ввел разделение на полки, ввел единообразие одежды и многое другое, что впоследствии вошло в употребление у европейских народов. Сиваш пал перед осадным искусством монголов. Жители его, магомедане, были большею частью истреблены или отведены в рабство; но еще более страшная участь постигла 4000 армянских всадников, которые защищали город в соединении с турками. Они были погребены заживо. Дальнейших подробностей казни я не смею приводить, ибо они слишком ужасны. На полях Ангоры (Анциры)⁶⁹, где некогда Помпей⁷⁰ одержал победу над Митридатом⁷¹, сошлись лицом к лицу Баязид и Железный Хромец⁷². Произошла одна из величайших битв, о которых помнит история. В деле было более миллиона ратников, пришедших из самых отдаленных стран. Тимур привел с собою дружины всей Азии; в войске Баязида находились 20 000 сербов-христиан, которые составляли лучшую, передовую рать; за ними стояли янычары⁷³, набранные из пленных христианских детей, и уже за янычарами следовали настоящие турки. Христианскою кровью думал Баязид купить себе победу. Он был разбит наголову. Есть какое-то мрачное и поэтическое величие в рассказе о свидании Тимура с Баязидом. Тимур принял его, сидя на ковре. «Велик Господь, – сказал он, – даровавший полмира мне, хромцу, и полмира тебе, больному; ты видишь, как мало в глазах Господа земное величие». Вся беседа их была проникнута скорбью. Тимур не ругался над падшим врагом; слова его исполнены грустного сочувствия к судьбе побежденного. Рассказы позднейших писателей о том, что он заклю-

---

о нем относятся к XX в. до н. э. В 1260 г. Алеппо был захвачен монголами, а в 1400 г. разрушен воинами Тимура. В настоящее время город входит в состав провинции Халеб Сирийской Арабской Республики.

⁶⁷ *Баязид I Молниеносный* (Bayezit I Yildirim) (1354/ 1360–1403) – турецкий военный и политический деятель, султан из династии Османов (1389–1402).

⁶⁸ *Сиваш* (Кабира, Себастья, Сивас) – город, расположенный в Малой Азии, возле р. Кызыл-Ирмак. Сиваш был основан римлянами в I в. до н. э.; в 1400 г. его захватил Тимур. В настоящее время город входит в состав области Сивас Турецкой Республики.

⁶⁹ *Ангора* (Анцира, Анкара) – фригийский город в северной части Малой Азии, расположенный при слиянии рек Чубук и Анкара. Город был основан в VII в. до н. э. фригийским царем Мидасом. В настоящее время город является столицей Турецкой Республики.

⁷⁰ *Гней Помпей* (Gnaeus Pompeius) (106 – 48 до н. э.) – древнеримский военный и политический деятель, консул (70 до н. э.), в 67 г. до н. э. наделен чрезвычайными полномочиями для борьбы с пиратами в Средиземном море, наместник Испании, с 60 по 53 г. до н. э. член триумvirата (вместе с Марком Лицинием Крассом и Юлием Цезарем).

⁷¹ *Митридат* (Μιθριδάτης) VI *Евпатор* (132 – 63 до н. э.) – царь Понтийского царства (121 – 63 до н. э.) и Боспорского царства (107 – 63 до н. э.).

⁷² Сражение при Ангоре (Анкаре) между армиями Тимура и Баязида I Молниеносного состоялась 28 (или 20) июля 1402 г.

⁷³ *Янычары* – «новое войско», регулярная турецкая пехота, созданная во второй половине XIV в. и просуществовавшая до начала XIX в. «Новое войско» состояло из юношей-рабов и насильственно обращенных в ислам юношей-христиан, которые считались рабами султана, должны были жить в казармах и которым запрещалось обзаводиться семьями и вести хозяйство.

чил Баязида в клетку и обходился с ним жестоко, лишены всякого правдоподобия. Ни один современник не упоминает об этом. Напротив, мы имеем верные свидетельства, что Тимур до конца своей жизни обходился с султаном с должным уважением. Кроме восточных рассказов у нас есть рассказы европейцев, которые были свидетелями этой битвы. Между прочими при дворе Тимура находились в то время послы кастильского короля Генриха III⁷⁴. Европейские народы смотрели на Анцирского победителя, как на своего избавителя от турок, и в самом деле нашествие Тимура на 50 лет отсрочило падение Константинополя и остановило надолго успехи турецкого оружия⁷⁵. В 1403 г. Генрих III отправил к Тимуру новое посольство, при котором состоял придворный дворянин, Гонзалец де Клавиго⁷⁶, оставивший любопытный дневник своего путешествия. Послы эти не застали уже Тимура в Малой Азии и должны были ехать к нему в столицу его Самарканд. Земли, чрез которые лежал их путь, носили еще свежие следы недавних опустошений. Особенно поразительно описание Тавриса⁷⁷, где правил за Тимура сын его Мираншах⁷⁸. Город был весьма богат и принадлежал к числу складочных мест азиатской торговли, но развалины огромного, славного на целом Востоке дворца и других великолепных зданий обличали присутствие татар. Виновником в этом разорении был, впрочем, не сам Тимур. Сын его Мираншах с какою-то детскою, безумною радостью разрушал древние здания и тешился при виде пожаров, так что отец должен был, наконец, остановить его. Далее Клавиго встретил множество пирамид из человеческих голов, свидетельствовавших о победном шествии Тимура. Замечательно также описание города Самарканда. Город этот был обязан своим быстрым возвышением воле Тимура. Клавиго нашел в нем многочисленное, со всех краев Азии насильственно сведенное население. Здесь поселены были ученые, художники и ремесленники, которых Тимур привел с собою из далеких, завоеванных им стран. Магомедане жили рядом с индейцами⁷⁹.

⁷⁴ *Генрих III* (Enrique III) *Кастильский*, *Генрих Блезненный* (Enrique el Doliente) (1379–1406) – король Кастилии и Леона (1390–1406).

⁷⁵ 29 мая 1453 г. турецкие войска захватили Константинополь.

⁷⁶ *Гонзалец де Клавиго* – *Клавихо* (Clavijo) *Руй Гонсалес де* († 1412) – испанский путешественник, дипломат, писатель, с 1403 по 1406 г. возглавлял посольство, отправленное королем Генрихом III Кастильским к Тимуру. Путешествие в Самарканд Р. Г. де Клавихо описал в дневнике «Жизнь и деяния великого Тамерлана, с описанием земель его империи» («Embajada a Tamerlán», 1582). См.: *Клавихо Р. Г. де* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староисп., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М.: Наука, 1990.

⁷⁷ *Таврис* (Тебриз) – персидский город, расположенный при впадении р. Мехранруд в р. Аджичай на северо-западе страны. Согласно преданиям, основан армянским царем Хосроем I. В настоящее время Тебриз входит в состав провинции Восточный Азербайджан Исламской Республики Иран.

⁷⁸ *Миран-шах* – *Мираншах* (1366–1408) – среднеазиатский военный и политический деятель, третий сын Тимура, получивший в 1393 г. в управление западные области государства отца, но из-за психической болезни в 1399 г. его отстранили от государственных дел.

⁷⁹ *Индейцы* (индеи) – распространенный в России до середины XIX в. термин, с помощью которого обозначали всех жителей Индии – индийцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.